

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ

Е. Н. Гнатик¹, В. М. Найдыш²

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

¹ e-mail: gmatik-en@rudn.ru

² e-mail: v.naidysh@bk.ru

Аннотация. В связи с бурным развитием когнитивных наук в эпистемологии, философии сознания актуализируются реалистические концепции познания, а вместе с ними вновь возрастает интерес к теории отражения, ее современному состоянию. В статье анализируются основные парадигмы теории отражения, пути их исторического развития и ее современные проблемы. Подчеркивается важность перехода от предметоцентрической к системоцентрической парадигме понимания отражения, в которой оно предстает как сложный системный процесс, активность которого предопределена структурой и историей отражающей системы. Отмечается, что в биологической эволюции активность отражения развивалась в направлении возрастания контроля субъекта над самим процессом отражения, совершенствованию способности разделять объективные и субъективные моменты отражения. На этом пути формировались две относительно самостоятельные подсистемы психической реальности – образ внешней среды и образ внутренних состояний психики субъекта. С помощью памяти образ внешней среды накапливался во внешнем опыте, который выступает основой когнитивной реальности. Образ внутренних состояний накапливался во внутреннем опыте, который является основой смысловой реальности, выражающейся чувственно-эмоциональными состояниями субъекта, тесно связанными с потребностно-мотивационной сферой психики. В свете системоцентрической методологии сознание предстает как интегральное качество функциональной активности мозга, эмерджентное по отношению к такой активности.

На основе системоцентрической методологии анализируются вопросы синтеза принципов отражения и деятельности, раскрывается содержание понятия фундаментального отношения сознания, анализируется концепция смысловой реальности, диалектика когнитивного и смыслового функционалов в деятельности сознания. Подчеркивается, что смысловой функционал сознания формируется на основе потребностей, интересов, целей субъекта и способен проявлять личностный контекст сознания, субъективную сторону жизнедеятельности человека. В статье показано, что современные проблемы и тупики когнитивной психологии как раз и связаны с игнорированием закономерностей связи когнитивного и смыслового функционалов в деятельности сознания.

Ключевые слова: отражение, деятельность, знание, смысл, сознание, ценности, когнитивная психология.

Для цитирования: Гнатик Е. Н., Найдыш В. М. Современные проблемы теории отражения // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 3. – С. 130–140. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-3-130>.

Original article

CONTEMPORARY PROBLEMS OF REFLECTION THEORY

E. N. Gnatik¹, V. M. Naidysh²

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

¹ e-mail: gmatik-en@rudn.ru

² e-mail: v.naidysh@bk.ru

Abstract. In connection with the rapid development of cognitive sciences in epistemology, philosophy of consciousness, realistic concepts of cognition are actualized, and with them, interest in the theory of reflection, its current state, is growing again. The article analyzes the main paradigms of the theory of reflection, the paths of their historical development and its current problems. The importance of the transition from the subject-centric to the system-centric paradigm of understanding reflection is emphasized, in which it appears as a complex systemic process, the

activity of which is predetermined by the structure and history of the reflecting system. It is noted that in biological evolution, the activity of reflection developed in the direction of increasing the subject's control over the process of reflection itself, improving the ability to separate objective and subjective moments of reflection. On this path, two relatively independent subsystems of mental reality were formed – the image of the external environment and the image of the internal states of the subject's psyche. With the help of memory, the image of the external environment was accumulated in external experience, which serves as the basis of cognitive reality. The image of internal states accumulated in internal experience, which is the basis of semantic reality, expressed by the sensory-emotional states of the subject, closely related to the need-motivational sphere of the psyche. In the light of the system-centric methodology, consciousness appears as an integral quality of the functional activity of the brain, emergent in relation to such activity.

Based on the system-centric methodology, the issues of synthesis of the principles of reflection and activity are analyzed, the content of the concept of the fundamental relationship of consciousness is revealed, the concept of semantic reality, the dialectic of cognitive and semantic functionals in the activity of consciousness are analyzed. It is emphasized that the semantic functionality of consciousness is formed on the basis of the needs, interests, goals of the subject and is able to manifest the personal context of consciousness, the subjective side of human life. The article shows that modern problems and dead ends of cognitive psychology are precisely associated with ignoring the patterns of the relationship between cognitive and semantic functionals in the activity of consciousness.

Key words: reflection, activity, knowledge, meaning, consciousness, values, cognitive psychology.

Cite as: Gnatik, E. N., Naidysh, V. M. (2025) [Contemporary problems of reflection theory]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 130–140. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-3-130>.

Введение

В начале XXI в. в теории познания произошли значительные трансформации. Возникли новые подходы и направления исследований: эволюционная эпистемология, социальная эпистемология (исследование социальных условий генезиса и воспроизводства знания), генетическая эпистемология, когнитивная биология, социобиология, возникновение комплекса когнитивных наук, нацеленных на создание искусственного интеллекта, и др. «Натуралистический поворот» в современной гносеологии позволяет рассматривать познание как процесс, направляемый не только социально-культурной детерминацией (практикой, трудовой деятельностью, общением и др.), но и биологическими, эволюционными детерминантами. Познание предстает как функция любой активно взаимодействующей с окружающей средой эволюционирующей системы, а единство объекта и субъекта достигается, в том числе, и за счет активного конструирования субъектом своего образа внешнего мира. Наряду с этим, в гносеологии возрождаются и позиции (предполагающего существование независимого от сознания предмета познания) теоретико-познавательного реализма [13], в котором важное место отводится теории отражения. Эти обстоятельства актуализируют вопросы современного прочтения понятий и принципов теории отражения, их связи с когнитивными науками XXI в.

Проблема синтеза принципов отражения и деятельности

Материалистическая гносеология XVII–XVIII вв. носила созерцательный и нативистский характер, отрицала субстанциальность идеального, прежде всего кар-

тезианскую. Познающий субъект для нее это, прежде всего, материальное существо, биологический индивид, часть природы, наделенная неизменными познавательными способностями. Любая активность субъекта только препятствует процессу познания, деформирует его результат («идолы» Ф. Бэкона). Чем менее активен субъект, тем более объективное знание о мире он получает. Но если сознание порождается природой, то значит, она должна содержать в себе некие предпосылки мышления. В рамках материализма постановка вопроса вполне логична. В Новое время данный вопрос мог получить только самое общее решение – в духе гилозоизма, пантеизма, например, Спинозовского. Иначе говоря, основой познавательных способностей человека выступает природа как целое (*субстанция*), которая благодаря сознанию человека получает возможность стать *субъектом*, познавать самое себя.

Более конкретные представления о природных предпосылках сознания стали возможны только во второй половине XVIII в., по мере расширения круга естественнонаучных знаний о структуре материи, многообразии ее форм, связей между ними, законах их движения и др. На такой основе возникло предположение, что преемственность материи и сознания обеспечивается *отражением*, которое представляет собой «всеобщее свойство материи или продукт её организованности», определяющее «способность ощущения» [3, с. 387]. Идея отражения явилась выдающимся философским открытием. Она дала «ключ» к пониманию формирования идеального образа (восприятие, представление, мысль, сознание и др.) материального предмета, сути перехода материального в идеальное.

Однако любая новаторская идея на первых порах, как правило, выступает в незрелом, абстрактном виде. В своих первоначальных толкованиях отражение определялось как пассивное копирование, прямой слепок отражаемого объекта, непосредственная реакция на воздействие среды. Так, Д. Дидро писал, что «мы – инструменты, одаренные способностью ощущать и памятью. Наши чувства – это клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа и которые часто издают звук сами по себе» [3, с. 385–386]. В качестве примеров использовались образы – зеркало, отпечаток на песке и пр. Ранние трактовки отражения определялись понятийным полем предметоцентрической методологии, базирующейся на представлении, что «клеточкой» теоретического анализа является отдельно взятая вещь (предмет, объект), сущность которой внеисторична и заключена исключительно в субстрате вещи. (В гегелевско-марксистской традиции она именовалась «метафизическим методом»). Предметоцентрическая концепция отражения предоставила дополнительные аргументы для обоснования теоретико-познавательного реализма, материалистической линии в теории познания. Это способствовало ее признанию в марксистской литературе. Понятием отражения широко пользовались в своих работах Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, И. Дицген, В. И. Ленин и др. Вместе с тем, преодолевая нативизм новоевропейской материалистической гносеологии, она не преодолевала ее созерцательности, т.е. материалистического сенсуализма. Для этого принцип отражения должен быть дополнен принципом активности субъекта, прежде всего его сознания.

Основания для преодоления созерцательной гносеологии были заложены И. Кантом. Ему принадлежала идея опосредованности процесса познания идеальной активностью сознания субъекта. «Коперниканский переворот в гносеологии» имел разнообразные последствия. В том числе он дал импульс развитию конструктивистских гносеологий, в том числе антиреалистических когнитивных парадигм XIX–XXI вв.

Кстати, К. Маркс, выросший в традициях немецкой идеалистической диалектики, к понятию отражения относился с осторожностью. Он предпочитал говорить не об отражении объекта в сознании субъекта, а о «пересадке» объекта в человеческую голову. «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [8, с. 21], идеальное – это, прежде всего, результат преобразовательной деятельности субъекта. При этом К. Маркс расширил понимание активности субъекта, трактуя ее не как только идеальную, но как материально-предметную, практическую активность общественного субъекта. Не природное бытие само

по себе, не отражение его в ощущениях, а созданное практической деятельностью человека «общественное бытие», определяет сознание. Предмет реальности становится объектом познания в той мере, в какой он осваивается материально-предметной активностью субъекта. Идеальное как «субъективный образ объективной реальности» является результатом не непосредственного отражения внешнего мира в органах чувств субъекта, а его предметной деятельности. Так была поставлена проблема синтеза принципов отражения и деятельности субъекта, которую нельзя считать в полной мере решенной вплоть до настоящего времени.

В отечественной догматизированной философской мысли послеоктябрьского периода материалистическая гносеология отождествлялась с теорией отражения в той ее трактовке, которая была представлена В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Данная книга была реакцией на попытки некоторых русских марксистов выстроить гносеологию на принципах второго позитивизма и неокантианства. Автор спешил с написанием и выходом книги в свет, потому в ней слишком много публицистизма, задорного полемизма. Она содержала поспешные, поверхностные утверждения; выводы носили предварительный характер, не представляли из себя целостной концепции, допускали разные интерпретации, не были продуманы в деталях. Из его поля зрения выпали многие отношения между объектом и субъектом отражения. Не получили ясного освещения процессы перехода от объекта к его образу, чем определяется граница между объективным и субъективным моментами образа; вопросы о непосредственной или опосредованной данности сознанию объекта. Если опосредовано, то чем опосредуется – личным или коллективным опытом, историей, эволюцией? Кто выступает субъектом отражения (индивид, коллектив, социум)? И, наконец, выпал важнейший вопрос об активности отражения, синтезе принципа отражения с принципом деятельности. В ней также не учтен опыт основных гносеологических парадигм XIX – начала XX вв. презентационизма и репрезентационизма. Презентационизм исходил из предположения, что единственным достоверным объектом познания являются непосредственные чувственные данные, ощущения, а их отношение к реальным физическим объектам относится к вопросам, лежащим в области веры, убеждений и пр. Репрезентационизм базировался на установке, что объектом познания являются сами («реальные») вещи, а не их чувственные образы, место которых заменено субъективными состояниями сознания (символами, знаками), которые, тем не менее, в силу некоторых обстоятельств (например, потому, что «бог не может

быть обманщиком») соответствуют объекту, «репрезентируют» его. Обе эти парадигмы отрывают образ предмета от самого предмета, замыкают сознание либо чувственными формами (ощущения, восприятия), либо абстрактными символами, причем, происхождение тех и других выводилось за границы научно-рационального анализа.

В целом, работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» осталась в русле предметоцентрической методологии, которая и определила роль и значение «ленинской теории отражения». Во-первых, данную теорию отражения не следует отождествлять с современной материалистической гносеологией как таковой, поскольку в ней, наряду с принципом отражения, важную роль играет принцип активности субъекта. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» проблема активности субъекта познания по сути даже не поставлена. Поэтому «ленинскую теорию отражения» следует оценивать лишь как фрагментарный набросок материалистической гносеологии, эклектическую смесь элементов созерцательного материализма XVIII в. и гегелевской диалектики, разрозненных тезисов ряда работ Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова и других марксистов. Во-вторых, «ленинскую теорию отражения» не следует отождествлять и с теорией отражения в ее полном содержании. Предметная область теории отражения не сводится лишь к проблемам познания и выходит далеко за границы гносеологии: в онтологию (структурные уровни организации материи), философские и нефилософские теории развития (теория эволюции, универсальный эволюционизм), теорию деятельности, психологию, синергетику, теорию коммуникаций, этологию и др. Особенно велика роль принципа отражения в современном эволюционизме. Здесь отражение выступает условием системогенеза, т.е. возникновения новых, более высокоорганизованных систем, преемственности структурных уровней организации материи. Даже в современной инфляционной космологии, где рассматриваются вопросы организации Метавселенной, используются понятия отражения и естественного отбора [20].

Теория отражения играет ключевую роль в биологических науках. Эволюция предполагает процесс познания, ведь любое «приспособление» к условиям среды возможно только в том случае, если органическая система получает определенную информацию об этих условиях, т.е. отражает их. Отражение состоит в получении информации, на основе которой осуществляется познание: «познание может быть определено как итоговый результат процессов, посредством которых живые системы приобретают информацию. Эти процессы включают в себя восприятие, представление, память, воображение, мышление,

язык и т.д., и обычно рассматриваются как процессы, делающие возможным решение проблем. Познание, стало быть, в той или иной мере является свойством всех животных... Познание есть биологический феномен» [2, с. 277]. Отражение позволяет организмам накапливать сведения о значимых для их жизнедеятельности свойствах внешней среды, приспосабливаться к ним, компенсировать внешние воздействия за счет перестройки своих внутренних структур. Благодаря отражению формируется нерасторжимая связь организма и среды: отражающий и отражаемый объекты образуют единую систему. Биологическому миру присущи самые разные формы отражения, в том числе и радиоморфизм. Как отмечал К. Лоренц, «уже в развитии строения тела, в морфогенезе возникают *образы* внешнего мира: плавники рыбы и ее способ движения отражают гидродинамические свойства воды, которыми вода обладает независимо от того, загребают ли ее плавники... Глаз является отображением солнца и физических свойств света, не зависящих от того, видят ли свет какие-нибудь глаза. Точно так же *поведение* животного и человека является образом окружающего мира, поскольку приспособлено к нему» [7, с. 248–249].

Теория отражения всегда имела сильные позиции в психологии. Особенно в отечественной психологии, базировавшейся на представлении, что психика это функция мозга, состоящая в отражении бытия и регуляции на этой основе поведения животных и человека. Начиная с глубокой аналитики И. М. Сеченова, рефлексивной теории И. П. Павлова, отечественная психология тяготела к материалистическому вписыванию психики в онтологию с помощью теории отражения. Такая позиция получила свое развитие в трудах С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, в теории функциональных систем П. К. Анохина и др. Подчеркивая ключевую роль категории отражение в отечественной психологии, Б. Ф. Ломов писал: «Если бы психика не осуществляла функций отражения окружающей среды, то она была бы просто не нужной; если бы поведение не включало необходимым образом этих функций, то оно не могло бы быть адекватным окружающей среде» [6, с. 116]. Важность теории отражения отмечалась и творцами отечественной психологической теории деятельности. Так, А. Н. Леонтьев писал, что «объективная логика развития научных психологических знаний все более настойчиво требует обращения к понятию отражения, которое, с моей точки зрения, является ключевым для теоретической психологии» [5, с. 48]. Относительно недавно сложились психологические парадигмы, в которых принцип отражения связывает теорию личности с теорией коммуникации.

В них отражение выступает как условие персонализации субъекта в чужом сознании, способности индивида преобразовывать поведение Другого (отраженная субъектность) [11]. Таким образом, принцип отражения далеко не исчерпал свой теоретико-методологический потенциал. Более того, в настоящее время возрастает потребность в его творческом углублении, одно из направлений которого – синтез принципов отражения и деятельности субъекта. Анализ показывает, что такой синтез возможен на основе системно-исторического видения мира, системноцентрической методологии, в которой «клеточкой» теоретического анализа является не отдельно взятый предмет, а система, т. е. целостная организация элементов и связей между ними, структуры. В такой методологии сущность элемента (вещи, предмета) определяется не его субстратными свойствами, а ролью, функцией в системе. Системноцентризм (в отличие от предметоцентризма) предполагает знание и учет истории объекта познания. Ведь структура системы, в конечном счете, определяется ее историей (генезисом, эволюцией), а каждый уровень структурной организации материи содержит в себе (в преобразованном, «снятом» виде) предшествующие уровни эволюции материи. В полной мере это относится и к отражению.

Отражение как системное качество характеризуется устойчивыми структурными изменениями в отражающей системе. Такие изменения противодействуют внешним воздействиям отражаемой системы, компенсируют их, создавая «негативную копию», отпечаток, позволяющий отражающей системе «находиться в определенном соответствии или сходстве с какой-либо стороной воздействующей»¹ системы. Мера такого соответствия определяется особенностями взаимодействующих систем, их элементов, типов связей, структуры, т. е. закономерных связей, и др. На высоких уровнях организации у отражающей системы появляется возможность воспроизводить в своих структурных изменениях *индивидуальные черты* отражаемой системы. На уровне человеческого сознания такая способность реализуется через сложнейшие процессы переработки информации мозгом, активного конструирования образа с целью разделения в нем объективного и субъективного содержания и др.

Итак, системное понимание отражения предполагает его активность, динамичную перестройку структуры отражающей системы. Отражение – это

сложный *системный* процесс, *активность* которого predeterminedена *структурой* и *историей* отражающей системы. Принцип активности отражения конкретизирован в теории опережающего отражения, которая на основе системной функциональности объясняет единство интегративной активности мозга и организма [1]. В ней показано, что внешние воздействия на организм, имеющие значение для его выживаемости, отражаются в последовательностях биохимических реакций, которые связываются в единую цепь. Ряд типов воздействий среды приобретают сигнальное значение и в цепи последовательных химических реакций предстают как временные связи. Скорость биохимических реакций значительно превышает скорость событий внешнего мира и тем самым обеспечивает опережение реакций организма на разворачивание внешних воздействий, позволяет заранее быть готовой к встрече с ними. При этом условный рефлекс в его сигнальной функции выступает как частный случай опережающего отражения.

В эволюции форм отражения биологических организмов есть особый момент – *качественный переход от пассивно-созерцательных к активно-деятельным формам отражения, в которых активность системы непосредственно направляется ее историей, предыдущим эволюционным опытом*. Такой опыт концентрируется в потребностях организма (т. е. необходимых связях, которыми организм неразрывно связан с окружающей средой) и проявляется в мотивационной сфере психической реальности. На наш взгляд, отражение начинает непосредственно направляться активностью субъекта с появлением восприятия, сенсорно-перцептивного уровня отражения². Восприятие представляет собой активное конструирование организмом *целостного образа* среды обитания. Восприятие – ключевая форма чувственного отражения, основа психической реальности. В его основе – полученные органами чувств ощущения, реальные действия по обследованию объектов и априорные схемы различных предметов (как врожденные, так и извлеченные из собственного опыта). На уровне восприятия проявляется *реализм* отражения мира. Восприятие *объективирует* чувственный образ – выносит «картину» отражаемого предмета с сетчатки глаза во внешний мир, локализует предмет в реальном пространстве. Такая способность восприятия имеет эволюционные, врожденные основания. Они заложены в организации мозга, фор-

¹ Тюхтин В., Пономарев Я. Отражение // *Философская энциклопедия*: в 5 т. Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – С. 180.

² В биологической эволюции сенсорно-перцептивное отражение формировалось при переходе от гомогенной среды обитания к предметно-дифференцированной, т. е. на уровне наземных позвоночных. На этом этапе у организма появляется потребность учитывать не только свойства предмета, на который направлена его активность, но и свойства окружающей его среды, которые непосредственно определяют его конкретное поведение (например, обход препятствий, выживание и пр.).

мируются в онтогенезе по мере освоения индивидом двигательных операций и совершенствования процессов научения. Акт объективации перцептивного образа порождает мировоззренческий реализм. Благодаря ему, субъект способен заранее планировать и регулировать свое поведение во внешнем мире.

Активность отражения в биологической эволюции развивалась в направлении возрастания контроля субъекта над самим *процессом* отражения, совершенствования способности разделять объективные и субъективные моменты отражения. На этом пути эволюции психической реальности сформировались две относительно самостоятельные ее подсистемы – образ внешней среды и образ внутренних состояний психики субъекта. Образ внешней среды с помощью памяти накапливается во *внешнем опыте*, который выступает основой *когнитивной реальности*. Образ внутренних состояний накапливается во *внутреннем опыте*, который является основой *смысловой реальности*, выражаемой чувственно-эмоциональными состояниями субъекта, тесно связанной с потребностно-мотивационной сферой психики.

Фундаментальное отношение сознания

Сознание – это структурированный *образ* реальности, а в любом образе заключено двойственное отношение: к отображаемому предмету и к условиям отражения, к субъекту. Как отмечал С. Л. Рубинштейн, «*само понятие образа предполагает отношение к тому, что он отображает.*» (курсив наш – авт.) Образ как таковой конституируется познавательным отношением чувственного впечатления к реальности, находящейся вне его и не исчерпывающей его содержанием» [14, с. 32]. В системноцентрической методологии сознание предстает как интегральное системное свойство, эмерджентное по отношению к функциональной активности мозга. Как любая целостная система, сознание имеет свое *основание*, формирующее его структуру и воспроизводящееся в его конкретно-исторических формах. В качестве такого основания выступает *фундаментальное взаимодействие*, полюсами которого являются когнитивный и смысловой функционалы сознания.

Когда мы говорим, что человек обладает сознанием, то, прежде всего, подразумеваем, что человек обладает определенной системой знаний. Производство и использование знаний – это область когнитивной реальности, познавательного функционала сознания. Знание – это осознание мира, находящегося вне самого сознания, система объективированных в некотором языке (предложениях, системах предложений, словах, знаках, навыках, невербальных, ритуальных действиях, схемах и других формах) обобщенных

элементов сознания, благодаря которым различаются, специфицируются вещи, предметы материального мира, сам человек и его отношение к внешнему миру. Такая система складывается в историческом опыте человечества, и каждым отдельным индивидом заново осваивается в процессе его социализации, обучения, образования и т.д. Знание – результат не прямого копирования свойств внешнего мира, а продукт активной конструктивной деятельности сознания, включающей в себя процессы памяти, воображения, чувственно-эмоционального переживания и др. Человек буквально творит знание о мире. В творческом процессе порождения знания объективные и субъективные характеристики неразрывны. Знание никогда не выступает в «чистом» виде, а является единством объективного и субъективного, стороной «многообразных действенных, мотивационных, личностных моментов, отражающихся в переживании» [15, с. 14]. В духовной культуре всегда есть как истинное, т.е. то, что соответствует действительности, так и воображаемое – идущее от творческих способностей субъекта, его воображения, фантазии, личностных и коллективных смыслов эпохи и др. Иначе говоря, когнитивный функционал сознания содержит в себе не только объективную, но и субъективную составляющую. Поэтому существуют различные виды знаний – *научное*, объективно-обусловленное, удовлетворяющее стандартам обоснования (индуктивным и дедуктивным) и *ненаучное*, в котором господствуют субъективные, в том числе имагинарные, компоненты.

Вместе с тем, содержание сознания не исчерпывается знанием. Знание, безусловно, является сердцевинной, ядром сознания, но содержание сознания не может быть сведено только к знанию. «Вещи и люди, нас окружающие, явления действительности, события, происходящие в мире, так или иначе затрагивают потребности и интересы отражающего их субъекта. Поэтому психические процессы... это процессы не только познавательные, но и «аффективные», эмоционально-волевые. Они выражают не только знание о явлениях, но и отношение к ним: в них отражаются не только сами явления, но и их значение для отражающего их субъекта, для его жизни и деятельности» [14, с. 263–264]. Психические процессы не могут быть сведены только к познавательному функционалу сознания. Сознание содержит в себе не только образ реальности, но и *отношение* к нему, к условиям отражения, которое выражается смысловой составляющей сознания. Любой образ реальности всегда имеет смысл, является *смыслообразом*. Человек не только познает мир, но и оценивает его свойства с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей. Функции же оценки всегда признавались за

эмоциями, которые выступают субъективной формой представления потребностей³. Смысловая реальность проявляется в эмоционально-волевых, аффективных переживаниях субъекта. Эмоциональный фон психической жизни выражает состояния субъекта в его отношении к объекту. Как отмечал С. Л. Франк, чувственные переживания являются первичным признаком и существом душевной жизни [17, с. 74–75], выходящим за границы сознания и предшествующим формированию «предметного сознания». Переживаниями выражаются смыслы деятельности субъекта, его отношения к тому, что он отражает и преобразовывает. *Смысловая реальность* формируется на основе потребностей, интересов, целей субъекта; в ней проявляется личностный контекст сознания, субъективная сторона жизнедеятельности человека.

Таким образом, сознание – это не только *знание* о мире, но и *переживание* мира в его отношении к субъекту, к условиям его жизнедеятельности. Функционирование системы сознания – это постоянное воспроизведение противоречия между объективно обусловленным (когнитивным) и субъективно значимым (смысловым, эмоционально переживаемым) функционалами сознания. В этом противоречии когнитивного и ценностно-смыслового выражено *фундаментальное отношение сознания*, в котором взаимодействуют, с одной стороны, чувственные образы внешней реальности, а с другой стороны, смыслы (ценности, установки) деятельности субъекта, выражаемые чувственно-эмоциональными переживаниями. Такое взаимодействие – это источник, основной «нерв» активности, деятельности сознания, его «энергетики». Взаимодействие когнитивного и ценностного функционалов (знаний и смыслов, внешнего и внутреннего опыта и др.) формирует динамичность, рефлексивность сознания, развитие самосознания. В истории культуры сложились разные конкретно-исторические формы, способы достижения соответствия когнитивного и ценностного функционалов сознания. Среди них: процедуры интерпретации, доказательства, обоснования, в том числе обращение к авторитетам, апелляции к обрядово-ритуальным практикам и др. Можно предположить, что фундаментальное отношение сознания является проявлением единства деятельности и общения в способе бытия человека в мире (*характер деятельности ↔ способ общения*). При этом деятельность определяет когнитивный, а общение – смысловой полюс фундаментального отношения сознания.

³ Эволюционные истоки эмоциональности формировались на тех этапах эволюции, когда возникли реакции приближения или избегания, воплощающиеся в положительном и отрицательном «полюсах» эмоций, организм стал регулироваться нервной системой как целое. В этих условиях соматосенсорные ощущения интегрировались в *схему тела*, которая позволяет управлять движениями организма как целого, а само тело стало «локомоторной машиной» (Н. А. Бернштейн).

Тупики когнитивной психологии

Истоки когнитивно-ценностной двойственности сознания сложились в эволюционном процессе, в той главной функции, которую выполняет психика: регулирования поведения организма (с целью удовлетворения его потребностей) в среде на основе ее отражения. Для этого психика должна воспроизводить как конкретные особенности пространственно-временной ситуации, в которой находится организм, так и его потребности. При этом характеристики среды отражаются не сами по себе, а в их отношении к потребностям организма. Двойственность когнитивного и смыслового функционалов сознания определяется, в том числе, межполушарной асимметрией мозга, которая придает различию когнитивного и аффективно-эмоционального аспектов сознания не только функциональный, но и структурный характер. Чувственное познание связано в основном с деятельностью правого полушария, а абстрактное познание – с работой левого [10].

В разных психологических школах сложились различные подходы к интерпретации фундаментального отношения сознания. Так, С. Л. Рубинштейн в качестве его полюсов выделял знание и переживание: «подлинной конкретной «единицей» психического (сознания) является целостный акт отражения объекта субъектом. Это образование сложное по своему составу; оно всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов – знания и отношения, интеллектуального и «аффективного»..., из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего» [14, с. 264]. Знание и переживание неразрывно связаны и могут быть выделены как самостоятельные процессы только в абстракции. «Переживание является переживанием чего-то, и, значит, знанием о чем-то, – отмечал С. Л. Рубинштейн. – Оно выступает как переживание не потому, что другой аспект – знание – в нем вовсе отсутствует, а потому, что витальный, или личностный, аспект в нем является господствующим... Вместе с тем знание – даже самое абстрактное – может стать глубочайшим личностным переживанием» [15, с. 12]. В той парадигме деятельностного подхода, который разрабатывался А. Н. Леонтьевым и его школой, полюса фундаментального отношения сознания раскрываются «как особенности отношения смыслов и значений» [4, с. 280]. Ж. Пиаже в своей генетической эпистемологии фундаментальное отношение сознания характеризовал как аффективную и когнитивную жизнь сознания [12, с. 64].

Итак, понимание любого завершённого акта сознания предполагает теоретическое моделирование конкретных черт, свойственной этому акту когнитивно-смысловой двойственности, полярности и единства образа и смысла. Игнорирование этого требования приводит к утере методологических ориентиров и существенному ограничению возможностей исследовательского поиска.

Такая ситуация характеризует первые этапы развития когнитивной психологии (Дж. Миллер, У. Найссер и др.), которая сложилась как отдельное направление в психологии в 1960-е гг. Когнитивная психология ставила перед собой задачу объединить языковые, сенсорные, ментальные, моторные аспекты познавательного процесса моделями переработки информации. И, таким образом, раскрыть содержание тех накопленных в памяти программ, при помощи которых индивид понимает звуки речи, сам создает новые слова, предложения, приобретает определенный опыт аналитического перевода, развертки целостно-образных, симультантных фрагментов сознания в дискретные линейно-последовательные (в том числе логико-дискурсивные) его структуры и др. [9; 16; 18; 19]. С этой целью было разработано несколько исследовательских парадигм – информационная, кибернетическая, нейрофизиологическая и др. Однако все они отрывали когнитивный функционал сознания от аффективно-эмоционального, т. е. по сути игнорировали фундаментальное отношение сознания. В результате исследовательские программы так и не были реализованы. В конце концов, к началу XXI в. когнитивная психология пришла к выводу, что «следует признать предельно абсурдной саму идею двух разных эволюций – одной для аффективных, а другой для когнитивных механизмов. Единными поэтому должны быть и их эволюционные уровни организации. По этой же причине не может быть устойчивого существования независимых друг от друга когнитивных и аффективных исследований»⁴.

В настоящее время когнитивная психология поставила перед собой новую задачу – подняться на уровень когнитивно-аффективной науки, связать когнитивный и смысловой функционалы сознания. На пути становления когнитивно-аффективной психологии открываются перспективы ее практического применения – «психиатрия и нейропсихоанализ..., а также фармакологические средства, повышающие стрессоустойчивость или регулирующие социальное поведение»⁵.

⁴ Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. В 2 т. Т. 2. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. – С. 367.

⁵ Там же. – С. 370.

⁶ Там же. – С. 370.

Трудность здесь в том, что для разработки когнитивно-аффективной парадигмы требуется не только учет кортикальных мозговых, анатомо-физиологических структур, но и учет «нейрогуморальных влияний. Выброс нейротрансмиттеров при эмоциях, удивлении и стрессе одновременно действует на множество рецепторов в различных структурах мозга. Их влияние на познавательные механизмы подобно воздействию *глобального изменения климата* на локальные экосистемы»⁶. Так, логика развития когнитивной психологии приводит ее к тем парадигмам, которые закономерно базируются на фундаментальном отношении сознания.

Заключение

Таким образом, в свете современных методологических принципов отражение предстает как сложный *системный* процесс, который не исключает, а предполагает *активность* отражающей системы. Системное понимание отражения предполагает его процессуальность, активность, динамичную перестройку содержания и структуры отражающей системы, единство отражающей и отражаемой систем. Чем более сложно организована отражающая система, тем более высок уровень ее активности. Отражение всегда опосредовано структурой отражающей системы. В *процессе* отражения происходит перестройка ее элементов и структуры в направлении достижения определенного сходства со свойствами отражаемой системы. В случае взаимодействия сложноорганизованных систем каждая из них воспроизводит в своих изменениях *индивидуальные особенности* той системы, с которой она взаимодействует. На уровне сознания человека воспроизводство индивидуальных свойств отражаемой системы обеспечивается процессами переработки информации сложнейшей материальной системой мозга. При этом принцип отражения не противоречит, а наоборот, предполагает необходимость разработки активно-конструктивистских моделей сознания. Субъект конструирует различные интерпретации внешнего мира, но допускает реальность не любых интерпретаций, а только тех, которые помогают ему ориентироваться и выживать в окружающем нас мире, в которых воспроизводятся специфицирующие особенности внешнего мира. Это хорошо демонстрируется уровнем восприятия, которое процессуально, развертывается как циклический итерационный процесс, нацеленный на уточнение специфицирующих, индивидуальных особенностей воспринимаемого предмета.

И, кроме того, важный аргумент в пользу фундаментальной роли принципа отражения в современной науке состоит в том, что отражение является необходимым условием глобального эволюционизма. Эволюция форм материи от простого, низшего к сложно-

му, высшему возможна при условии, что эволюционирующая система способна накапливать сведения о свойствах окружающей ее среды, что осуществляется посредством отражения.

Литература

1. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
2. Вукетич Ф. Эволюция и познание. Парадигмы, перспективы, проблемы // Эволюционная эпистемология. Антология / Научный редактор, сост. Е. Н. Князева. – М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – С. 275–314.
3. Дидро Д. Разговор Д’Аламбера и Дидро // Д. Дидро Сочинения: в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1986. – С. 379–391.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 303 с.
5. Леонтьев А. Н. Понятие отражения и его значение для психологии // Вопросы философии. – 1966. – № 12. – С. 48–56.
6. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 445 с.
7. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. – 393 с.
8. Маркс К. Капитал. Т. 1. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 907 с.
9. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
10. Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга / Отв. ред. Е.Д. Хомская. – М.: Наука, 1986. – 205 с.
11. Петровский В. А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. – 1985. – № 4. – С.17–31.
12. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с.
13. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола». Участники: В. А. Лекторский, Пружинин Б. И., Д. И. Дубровский, Д. В. Иванов, А. С. Карпенко, Г. Д. Левин, Е. А. Мамчур, С. В. Пирожкова, А. В. Родин, Н. М. Смирнова, Е. О. Труфанова, Е. Л. Черткова / В. А. Лекторский [и др.] // Вопросы философии. – 2017. – № 1. – С. 5–38. – EDN: XIRCQD.
14. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. – М.: АН СССР, 1957. – 328 с.
15. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2003. – 713 с.
16. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с.
17. Франк С. Л. Реальность и человек. – М.: Республика, 1997. – 479 с.
18. Vaars B. J. (1986) The cognitive revolution in psychology. – N.Y.: Guilford Publications, – 443 p.
19. Neisser U. (1967) Cognitive Psychology. – N.Y.: Appleton–Century–Crofts, – 378 p.
20. Smolin L. (1997) The Life of the Cosmos. – N.Y.: Oxford University Press, 1997. – 349 p.

References

1. Anokhin, P. K. (1978) Izbrannyye trudy. Filosofskie aspekty teorii funkcional'noj sistemy. [Selected works. Philosophical aspects of the theory of functional systems]. Moscow: Science Publ., 400 p.
2. Vuketich, F. (2012) Evolyuciya i poznanie. Paradigmy, perspektivy, problem [Evolution and knowledge. Paradigms, prospects, problems]. Evolyucionnaya epistemologiya. Antologiya [Evolutionary epistemology. Anthology]. Moscow, St.Petersburg: Center of scientific initiatives Publ., pp. 275–314. (In Russ.).
3. Didro, D. (1986) Razgovor D’Alamberta i Didro [Conversation between D’Alembert and Diderot]. Vol. 1, Moscow: Thought Publ., 592 p.
4. Leontiev, A. N. (1975) Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat Publ., 303 p.
5. Leontiev, A. N. (1966) [The concept of reflection and its significance for psychology]. Voprosy filosofii

[Questions of Philosophy]. Vol. 12. pp. 48–56. (In Russ.).

6. Lomov, B. F. (1984) Metodologicheskie i teoreticheskie problem psihologii [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Science Publ., 445 p.

7. Lorenz, K. (1998) Oborotnaya storona zerkala [The Other Side of the Mirror]. Moscow: Republic Publ., 393 p.

8. Marks, K. (1960) [Capital]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya. T. 23. [K. Marx and F. Engels. Works. Vol. 23]. Vol. 1. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 907 p. (In Russ.).

9. Neisser, U. (1981) Poznanieireal'nost'. Smysl i principy kognitivnoj psihologii [Cognition and Reality. The Meaning and Principles of Cognitive Psychology]. Moscow: Progress Publ., 230 p.

10. Khomskaya, E. D. (1986) Nejropsihologicheskij analiz mezhpolusharnoj asimmetrii mozga [Neuropsychological analysis of interhemispheric asymmetry of the brain]. Moscow: Science Publ., 205 p.

11. Petrovsky, V. A. (1985) [The principle of reflected subjectivity in psychological research of personality]. Voprosy Psihologii [Questions of Psychology]. Vol. 4, pp. 17–31. (In Russ.).

12. Piaget, J. (1969) Izbrannye psihologicheskie trudy. Psihologiya intellekta. Genezis chisla u rebenka. Logika i psihologiya [Selected psychological works. Psychology of intelligence. Genesis of number in a child. Logic and psychology]. Moscow: Education Publ., 659 p.

13. «Realistic turn» in Contemporary Epistemology, Philosophy of Mind and Philosophy of Science? (2017) Materials of «Round Table». Participants: V. A. Lektorsky, B. I. Pruzhinin, E. L. Chertkova, D. I. Dubrovsky, D. V. Ivanov, A. S. Karpenko, E. A. Mamchur, S. V. Pirozhkova, A. V. Rodin, N. M. Smirnova, E. O. Trufanova. / V. A. Lektorsky [et al.] Voprosy Filosofii. [Questions of Philosophy]. Vol. 1, pp. 5–38. (In Russ.).

14. Rubinstein, S. L. (1957) Bytie i soznanie [Being and consciousness]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 328 p.

15. Rubinstein, S. L. (2003) Osnovy obshchej psihologii [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 713 p.

16. Solso, R. L. (2006) Kognitivnaya psihologiya [Cognitive Psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 589 p.

17. Frank, S. L. (1997) Real'nost' i chelovek [Reality and Man]. Moscow: Republic Publ., 479 p.

18. Baars, B. J. (1986) The cognitive revolution in psychology. N.Y.: Guilford Publ., 443 p. (In Eng.).

19. Neisser, U. (1967) Cognitive Psychology. N.Y.: Appleton–Century–Crofts, 378 p. (In Eng.).

20. Smolin, L. (1997). The Life of the Cosmos. N.Y.: Oxford University Press, 349 p. (In Eng.).

Информация об авторах:

Екатерина Николаевна Гнатик, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0003-0745-5019, **Scopus Author ID:** 6506175741

e-mail: gnatik-en@rudn.ru

Вячеслав Михайлович Найдыш, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0001-2345-6789

e-mail: v.naidysh@bk.ru

Вклад соавторов:

Авторы внесли равный вклад в создание статьи. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025; принята в печать: 22.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Ekaterina Nikolaevna Gnatik, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0003-0745-5019, **Scopus Author ID:** 6506175741

e-mail: gnatik-en@rudn.ru

Vyacheslav Mikhailovich Naidysh, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0001-2345-6789

e-mail: v.naidysh@bk.ru

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to the creation of the article. There is no conflict of interest.

The paper was submitted: 27.03.2025.

Accepted for publication: 22.05.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.